

ПРОПИСНАЯ БУКВА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ДУХОВНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М.А. Петриченко

На протяжении всего развития русского языка в тех случаях, когда возникал конфликт смысла и грамматики, побеждал смысл.

В. Одинцов

Орфография в своем идеале кодифицирует написание всех без исключения языковых фактов, а ее правила для пишущих являются строго обязательными. В то же время важно отметить, что орфография, графика, пунктуация в их неразрывной связи с содержанием текста задерживают на себе внимание не только филологов, но и философов. Среди последних работ в этой области выделяется опубликованная в 2003 году в «Вопросах философии» статья Вадима Россмана «Техники пунктуации: знак препинания как философский метод». Основной вывод философа — «мы находим множество прямых деклараций относительно знаков препинания как метода и их использования в концептуальных целях, вплоть до провозглашения их символами целых социальных и философских направлений. . . В области философии при этом значение знаков препинания выходит за пределы чисто экспрессивной функции» [17, с. 69].

В нашей статье анализируется нормативно-орфографический аспект прописной буквы (ПБ) как составная часть многогранной проблемы духовности. Возможность такого подхода обусловлена тем, что выбор *прописная–строчная*, отражая лингвистическую эрудицию пишущего, одновременно представляет его отношение к вере, добру, злу, красоте, творчеству, являя тем самым ПБ своеобразным орфографическим средством выражения духовности и способом познания действительности.

Как же появилась в звуко-буквенных системах письма ПБ, получившая в русском языке — в сопоставлении с «обычной», строчной буквой — специфические «духовные» функции? Уже в античные времена в средиземноморской письменной традиции наличествовало несколько почерков, или типов письма. Наиболее распространенными были два. На керамике, каменных плитах, стенах домов острым каламом выбивались, выцарапывались большие тяжелые квадратные буквы, сливавшиеся в сплошную строку (без пробелов и знаков препинания) *монументального почерка*. (Этот почерк стилизуют, к примеру, надписи на стелах Марсова поля в Санкт-Петербурге). На папирусе, пергаменте, шелке, а затем и бумаге кисточкой, тростниковым пером мелко выводилось более округлое *скоротписное курсивное письмо*. Так как «тела знаков тесно связаны с функциями, которые они могут выполнять», то «для графики знаков в принципе существует возможность использовать их зрительные и пространственные характеристики» [7, с. 21].

Начиная с Византийского периода развития греческого письма (IV–V вв.) крупные буквы монументального почерка писцы постепенно используют как своеобразную подсказку, ориентир, указывающий на начало текста, фрагмента, фразы. Грамматисты, уже распределявшие к тому времени слова по частям речи, стали с ПБ писать имена, тем самым выделяя их среди других категорий слов. Окончательное оформление греческого дубль-алфавита, т.е. алфавита из прописных и рядом стоящих строчных букв, произошло в XIV–XV вв. Прописная буква в это время осознавалась как большая, заглавная, инициальная, монументальная, начальная, — а следовательно, и значительная, торжественная [5, с. 12].

В первых памятниках славянской письменности (IX–XI вв.) не было деления букв на строчные и прописные. Каждая буква имела одну форму, близкую к современной строчной или прописной. В начале книги, текста, иногда листа, абзаца, строки даже не писались, а рисовались киноварью буквы, отличающиеся большими по сравнению с остальными буквами размерами. Различение графики строчных и больших букв совпадает во времени с введением пробелов между словами (XV–XVII вв.), а дубль-алфавит появляется в русских букварях уже в XVII века. Одновременно с расподоблением графики прописных и строчных букв нормировалась передаваемая от одного писца к другому практика употребления прописной буквы, опирающаяся на традицию западноевропейских языков — латинского, немецкого, греческого и др., где ПБ употреблялась очень широко.

Так как первые славянские книги представляли собой переводы греческих богослужебных и канонических текстов, остановимся на эволюции традиции написания ПБ в религиозной лексике. В богослужебных книгах писались с ПБ имена «Трех лиц Божества и высших существ, составляющих предмет религиозного почитания христиан: *Бог, Господь, Тво-*

рец, Всевышний, Спаситель, Богородица, Святой Дух, Святая Троица и др.; названия религиозных праздников, постов; слова *Псалтырь, Библия, Евангелие, Новый Завет, Ветхий Завет*. Прописная буква употреблялась в написании слов *Царь, Император, Самодержец, Святейший Синод* и т.п., а также в местоимениях, указывающих на небесных и земных правителей: *Он, Ему, Его* и др.» [2]. Такая орфография сразу же перешла из церковных, духовных текстов в светскую литературу. ПБ делала стиль изложения высоким, подчеркивала «святость» религиозных слов, их значимость, торжественность. Церковная и царская цензура не допускали к печати и продаже книги, в которых с малой буквы писались слова, называющие Бога. Например, Ученый комитет запретил распространение книги протопресвитера В. Баженова «О вере и жизни христианской», в которой наборщики случайно местоимения *Который, Свой, Сам, Он*, когда они относились к имени Господа Бога, везде начинали со строчной буквы, а не с большой. Равным образом существительные *Дева (Святая Дева Марья), Тело и Кровь (Христовы)* — писались в этой книге с малой буквы. Книгу постановили перепечатать.

С другой стороны, цензоры очень строго следили и за тем, чтобы ПБ не употреблялись в словах, обозначающих обыденные имена и явления. Даже традиционный в западноевропейской литературе прием написания с ПБ героев-животных басен вызывал запреты русской цензуры. Из-за них, например, были изъяты из публичных библиотек книга «Басни Эзопа в русском переводе» (М., 1880 г.) и хрестоматия для детей «Золотая книжечка» (М., 1890 г.) со сказкой А.С. Пушкина «О войне Мышей и Лягушек», в которой рассказывается о Царе Львов, о Короле Мышей и Лягушек — как об Их Высочествах. Функция прописной буквы как стилистического средства художественной речи и в более позднее время не учитывалась строгой цензурой. Так, для того чтобы напечатать «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока, в которых о земной женщине писалось *Пречисто Вечная Жена, Тихая, Она, Ты, Закатная Таинственная Дева* и др., друзья Блока отправили в цензуру экземпляр, в котором ПБ вообще не употреблялась. После цензурного просмотра вносить в текст какие-либо изменения запрещалось, но т.к. в цензурных правилах ничего не говорилось об изменении графики букв, в одобренном цензурой экземпляре друзья А. Блока заменили строчные буквы прописными [1]. Таким образом, прописная буква в определенной части религиозной лексики непосредственно манифестировала веру в Бога.

«Бога нет — и все дозволено» — для такой идеологии оказалось необходимым заменить в *словах веры* ПБ, утверждавшие ее, на обычные, и тем самым отрицающие ее, строчные. Сейчас уже невозможно определить, кто был пионером такой рокировки букв, но совершенно ясно, что она стала ключевой, знаковой для атеизма. Размышляя в своем «Днев-

нике писателя» о *полете идей*, Ф.М. Достоевский записал: «Идеи летают в воздухе, но непременно по законам, слишком трудно для нас уловимым... Через два-три десятка лет мысль уже охватывает все и всех, — и выходит, что торжествуют не миллионы людей и не материальные силы, по-видимому, столь страшные и незыблемые, не деньги, не могущество, а незаметная вначале мысль» [3, с. 47].

Новые правила правописания, разработанные Народным комиссариатом просвещения и известные в качестве реформы графики и орфографии 1917–1918 гг., декларировали, что при проведении реформы не допускается принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания, и что для всех остаются в силе лишь те правила, которые являются общими для прежнего и нового правописания, и ошибками считаются лишь нарушения этих правил. Данная реформа не предлагала *новых правил* употребления ПБ. Однако давление атеистической идеологии было настолько мощным, безапелляционным, что без всякого указания (для русского интеллигента таковым часто служил пугливый *здравый смысл*) ранее писавшаяся с ПБ религиозная лексика во всех стилях русского литературного языка стала писаться со строчной: *бог, господь, библия, богородица, мессия, пасха* и др. Правила русской орфографии и пунктуации 1956 года закрепили эту практику написания следующим Примечанием к п. 103: «Названия религиозных праздников и постов, а также дней недели, месяцев и т.д. пишутся со строчной буквы, например: *рождество, троицын день, святки, масленица, великий пост, курбан-байрам, четверг, сентябрь*». Напрасный труд искать правила о написании слов *Бог, Богоматерь, Богородица, Господь, Библия* и др. в этом научном документе, из которого исходили при составлении учебников, разнообразных словарей, справочников, энциклопедий.

Тем не менее в советских словарях различных типов — орфоэпических, орфографических, толковых — наглядно проявлялась установка писать слова *бог, богоматерь, богородица, мессия, господь* со строчной буквы — как имена нарицательные. Эта установка была основной в изучении орфографии в школе, определяла через многочисленную атеистическую воспитательную работу модус поведения ребенка и юноши, его оценки и взгляды на мир и окружающих. Со строчной писались также все местоимения, заменяющие существительные *Бог, Богоматерь* и др., что часто затемняло содержание текста. Интересный пример приводит текстолог С.А. Рейсер: «Порой орфография, неправоммерно модернизируя, делает текст непонятным. По старой орфографии «Он» в значении «бог» (обратите внимание на строчную! — М.П.) писалось, конечно, с прописной буквы. По современному правописанию это правило отменено. В двадцать второй главе пятой части «Анны Карениной» графиня Лидия Ивановна, утешая Каренина, говорит ему: «Опора наша есть любовь, та любовь, ко-

тору он завещал нам». «Он» в советских изданиях печатается со строчной буквы, чем создается двусмысленность: из контекста неясно, что речь идет о боге» [15, с. 185].

Такого рода модернизация распространялась и на переводную литературу. Например, в русском издании (1987 года!) сборника статей выдающегося английского философа Бертрана Рассела «Почему я не христианин» [14] слово *бог* везде пишется со строчной буквы, хотя в оригинале Рассел, несмотря на свое более чем критичное отношение к христианской религии, в полном соответствии с правилами английской орфографии, использовал ПБ.

Все же, не смотря на идеологию официального атеизма, в записях «для себя» многие продолжали писать слово *Бог* с ПБ. Примечательно, что переживший полугодную эвакуацию, Отечественную войну с морем ее крови, человеческого предательства, низости, падения, но и победы, теплом нерушимого фронтового братства, замечательный советский философ Эвальд Ильенков определяет в своем фронтовом блокноте: «Современный человек, как человек, нехорош тем, что внутри себя не имеет того внутреннего устремления, скрашенного радужным цветом поэзии, которое раньше называли Богом. . . Слишком материалистическое восприятие всего. . . У меня все растет и крепнет убеждение, что нам очень и очень необходим Бог» [4, с. 10]. По мысли Э. Ильенкова, вера в Бога, чтение Библии (в письме к студенту А. Суворову он напишет — «Не удивляйся, что я тебе цитирую Библию, — это ведь вовсе не поповская книга» [4, с. 447]) поднимают человека от земли, открывают его сознание материально не осязаемому миру.

Орфографист Л.П. Калакуцкая заметила, что «семидесятилетнему периоду атеистического сознания вполне соответствовала и грамматическая характеристика восклицаний *господи!* и *боже!* как междометий» [6, с. 65], что давало основание писать их с малой буквы. Старые русские интеллигенты за этими словами статуса междометий не признавали — «Ну, да Бог с ним!»; «Я, ей-Богу, больше не буду никогда и никому давать разрешения» и др. [11].

Религиозная лексика в работах лингвистов того периода определялась взятым в ироничные кавычки термином «священный» — «священные слова». Владимир Максимов, сделавший темой своих многочисленных романов («Прощание из ниоткуда», «Ковчег для незваных», «Семь дней творения» и др.) противопоставление «стяжения Духа Святого» воинствующему атеизму, который, по его мнению, есть мировое зло, на слова «*Бог — обман*» устами одного из героев (Л. Гупака) отвечает: «Любая вера — добро. „Тьмы горьких истин нам дороже нас возвышающий обман“. . . На века сказано. Думали свет открыли: Бога нет! Но светом этим высвободили в смертном его звериную суть, инстинкты животные. . . Вместо мечты

о вечной жизни подкинули обещание всемирного обжорства и ничегонеделания. А он — человек-то, как наелся, так сызнава его к вечной жизни потянуло» [10, с. 80]. Верность данного наблюдения подтверждается, в частности, тем орфографическим фактом, что с 1985 года религиозная лексика, которая всегда писалась с ПБ в теистической литературе, начинает писаться — вопреки существовавшему орфографическим правилам! — с ПБ и в светских текстах. Такое написание отразило переживаемое обществом возвращение исторической памяти и новую идеологию.

В учебной и справочной литературе последних лет, например в орфографическом словаре «Как правильно? С большой буквы или с маленькой?», написание связанных с религией слов регламентируется в специальном разделе [9, с. 22-24]. Правила этого раздела основываются на уже цитированном нами «Русском правописании» Я.К. Грота и отражают стилистически сложившуюся практику современной массовой печати. В отличие от аналогичных справочников эпохи воинствующего атеизма [16] в новом справочнике правила написания (отметим, что он **не регламентирует**, а **рекомендует**) ПБ в словах, связанных с религией, многочисленны. Они указывают на написание с ПБ: 1. Слова *Бог* и имен *Бога* в разных религиях (*Саваоф, Аллах, Шива* и др.); 2. Слова *Богородица, Троица, Дух Святой* и др. синонимов к слову *Бог (Господь, Всевышний* и др.) и *Богородица (Царица Небесная* и др.) (Однако примечание 1 этого справочника, как нам кажется, неправомерно сужает сферу написания с ПБ местоимений, заменяющих слова *Бог, Богородица* и др. На наш взгляд, эти местоимения также относятся к вечным духовным ценностям человека и во всех стилях должны писаться с ПБ. Лишним представляется и примечание 2 — о междометном статусе восклицаний *слава богу, ей-богу, боже мой*: вопреки примечанию их следует, как представляется, писать с ПБ). 3. Названий категориальных для религии понятий (*Крест Господень, Страшный суд* и др.), праздников (*Рамадан, Шаббат, Пасха*); 4. Названия культовых книг (*Библия, Коран, Веды* и др.) В словаре также указано, как должно писать названия конфессий, высших органов церковной власти, церковных должностных лиц, церковных служб и др.¹

Заключая, отметим, что написание ПБ в лексике, относящейся к религии, оказалось наиболее зависимым от идеологии. В разных идеологических условиях религиозная лексика рассматривалась нормализаторами либо как наполненная высоким лексико-стилистическим содержанием — ПБ, либо как «опиум народа» — строчная буква. Орфографическая заме-

¹Рекомендации о написании слов высокой духовной лексики с ПБ отражаются и в написании слов *черт, дьявол, бес* и т.п. Как имена нарицательные, данные слова пишутся со строчной. Однако в текстах современной литературы, в средствах массовой информации отчетливо намечается тенденция писать подобные нарицательные с ПБ. Почему?

на строчной буквы прописной в этих словах означает не простую реанимацию прежней орфографии, но символизирует возвращение исторической памяти и — безусловно — подъем духовной жизни общества.

1 Литература

- [1] *Блюм А.В.* Орфография и царская цензура // Русская речь. — 1978. — №1. — С. 110–115.
- [2] *Грот Я.К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. // Изд. 2. — СПб., 1876, ч. 2.
- [3] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. — Т. 24. — Л., 1973.
- [4] *Ильенков Э.В.* Философия и культура. — М., 1991.
- [5] *Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. — М., 1965.
- [6] *Калакуцкая Л.П.* Имена собственные в орфографическом и других лингвистических словарях // Вопросы языкознания. — 1997. — №3. — С. 7–15.
- [7] *Кубрякова Е.С.* Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания, 1993. — №1. — С. 18–29.
- [8] *Литературная* учеба. — 2004. — №5. — С. 4–15.
- [9] *Лопатин В.В.,* Нечаева И.В., Чельцова Л.К. Как правильно? С большой буквы или с маленькой?: Орфографический словарь. — М., 2002.
- [10] *Максимов В.Е.* Собр. соч. в 9-ти т. — Т. 4. — М., 1993.
- [11] *Переписка* М. Горького: В 2-х т. — Т. 1. — М., 1986.
- [12] *Петриченко М.А.* Очерки по пунктуации: Учебное пособие. — Кривой Рог, 2003.
- [13] *Правила* русской орфографии и пунктуации. — М., 1956. — С. 70–114.
- [14] *Рассел Б.* Почему я не христианин: Избр. атеист. произведения. — М., 1987.
- [15] *Рейсер С.А.* Палеография и текстология. — М., 1970.
- [16] *Розенталь Д.Э.* Прописная или строчная? (Опыт словаря-справочника). — М., 1984.
- [17] *Росман* Вадим. Техники пунктуации: знак препинания как философский метод // Вопросы философии. — 2003. — №4. — С. 68–76.